

платки с вышивкой и пр. Было бы интересно обратить большее внимание на сохранение и развитие национальных черт в современной одежде сербов.

В целом сборник «Сербская народная одежда в Воеводине» следует признать ценным вкладом в этнографию народов Югославии. В сборнике представлено большое богатство и разнообразие народной одежды сербов Воеводины. Вызывают восхищение искусство, вкус и изобретательность народа в изготовлении одежды, которая является подлинным произведением народного художественного творчества.

Советские этнографы с большим интересом встречают новые публикации этнографических материалов о народах Югославии. В последующих работах об одежде сербов Воеводины хотелось бы найти и теоретическое осмысление публикуемого материала, а также увидеть описание одежды Воеводины в сравнении с одеждой населения других областей Югославии и родственных и соседних с ней народов.

Л. В. Маркова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КНИГЕ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ «ОТКРЫТИЕ ИНДИИ»

Книга «Открытие Индии» принадлежит перу выдающегося политического и государственного деятеля Индии нашего времени и уже поэтому она представляет интерес для читателя. Но не имя автора и даже не тема (обзор индийской истории с древнейших времен) выделяют эту книгу из множества других. Основное достоинство ее в особой группировке исторического материала, в оригинальной трактовке старых, давно известных фактов, в выводах, подчас прямо противоположных тем, которые делались ранее. В отличие от большинства обзорных работ, в книге Неру излагается в основном не политическая история, не родословные бесчисленных династий, не подвиги прославленных завоевателей. Книга посвящена истории социального и культурного развития индийцев в течение почти пяти тысячелетий.

Какие же задачи ставил себе автор при написании книги, почему она называется «Открытие Индии»?

Книга написана в 1944 г. в разгар второй мировой войны. Хозяйство Индии было дезорганизовано, население разорено, голод уносил миллионы жизней, а правительство Англии требовало от индийцев все новых жертв на алтарь войны. В массах росло возмущение колониальным режимом. Бессильные справиться с внутренними проблемами и напуганные угрозой японского вторжения, колониальные власти прибегли к террору, бросив в тюрьмы тысячи руководителей и рядовых участников политических, профессиональных, крестьянских и других национальных организаций. Это порождало уныние, разочарование, неверие в свои силы и значительно снижало революционную активность масс, которая только и могла обеспечить успех освободительной борьбы.

Неру как опытный и дальновидный политический деятель понимал, что это не обычная депрессия, что наступают решающие события и для успеха освободительного движения необходимо мобилизовать энергию масс, помочь народу уверовать в себя и дать ему почувствовать свои силы. В этом он видел основную задачу всех истинных патриотов и свой долг как политического руководителя. Чтобы выполнить этот долг, необходимо было самому еще раз окинуть мысленным взором прошлое страны и оценить то наследие, те внутренние социальные, культурные и политические силы, с которыми Индия вступала в борьбу и на которые должна будет опираться в будущем. Именно с этой точки зрения автор оценивает все достижения индийской культуры. Систематизация исторических фактов и выводы из них имели для Неру не просто научное, теоретическое, а практическое значение, как руководство к действию.

На многих страницах своей книги Неру с горечью констатирует общую отсталость Индии в период колониального режима, отсталость ее экономики, упадок культуры и общественного развития. Он приводит многочисленные примеры того, какие уродливые формы принимала западная цивилизация, засаждаемая в условиях расовой и социальной дискриминации. В то же время он показал, сколь мало эффективна оппозиция колониальному режиму, опирающаяся только на древние традиции и огульно отрицающая действительные достижения западной цивилизации. Он показал, что многое в этих традициях давно стало реакционным, мешает дальнейшему прогрессу и должно быть отброшено в ходе освободительной борьбы. Вместе с тем автор убедительно доказал, что живы еще другие традиции, что существуют другие силы, которые должны быть использованы в борьбе и явятся здоровой, жизнедеятельной основой дальнейшего прогресса.

Обнаружение в индийской культуре этих глубоких здоровых корней и социальных сил, способных возродить страну и обеспечить ей самостоятельное развитие, было основной задачей автора. Оно-то и является «открытием» Индии.

* * *

Не касаясь экономических и политических проблем, заслуживающих специального рассмотрения, остановимся только на некоторых вопросах древней индийской культуры, затронутых в книге «Открытие Индии». Следует оговориться, что материальной культуре народов Индии в книге уделяется сравнительно мало места. Основное внимание автор сосредоточил на рассмотрении процесса развития общественной мысли и духовной культуры в различных ее проявлениях.

Неру исходит из тезиса, что культура Индии едина в своей основе. Это единство, по его мнению, Индия пронесла через тысячелетия своей истории. В книге он останавливается главным образом на этих общендийских чертах социальной организации и духовной культуры, оставляя без внимания процесс развития национальных культур.

Неру считает, что этническая основа населения Индии сложилась в основном из двух компонентов: дравидийцев, населявших Индию с глубокой древности и создавших культуру древнего Инда, и арийцев, пришедших в Индию спустя тысячелетия после упадка этой культуры. «Плодом этого синтеза и слияния,— говорит автор — явились индийские народности и коренная индийская культура, носившая отличительные черты и тех и других» (стр. 74). В данном случае автор не претендует на оригинальность, а излагает общеизвестную, правда, слишком упрощенную, теорию происхождения населения Индии. Эта теория, принятая автором без надлежащей критики, привела его к противоречию, отразившемуся и в приведенной цитате. Получается, что результатом синтеза было несколько, может быть, много, народностей, а культура одна. И это один из уязвимых тезисов автора.

При характеристике самого исторического процесса Неру обнаружил необычайную широту эрудиции, независимость суждений, оригинальность и смелость обобщений. Свообразную, самобытную, хотя и «синтетическую» индийскую культуру он рассматривает не изолированно, как это свойственно большинству зарубежных исследователей, а в связи с общим процессом развития мировой культуры. Он не ограничивается сравнениями и параллелями, но на большом фактическом материале показывает взаимные влияния и взаимозависимость культурного развития Индии и других стран Азии. Автор не упускает случая указать на исторический приоритет Индии в развитии той или другой области культуры, но его не смущает, что иные достижения культуры Индия явно заимствовала. Наоборот, то обстоятельство, что она способна была перенять их и переняла, свидетельствует, по его мнению, о высоком развитии самой индийской культуры. Автор убедительно доказал, что в Индии, кроме индийской и независимо от нее, никогда не существовало никакой иной культуры, ни греческой, ни арабской, ни так называемой мусульманской, ни европейской; он показал, что эта культура не перестает быть индийской от того, что в разные исторические периоды в ее развитие внесли свой вклад китайцы, греки, персы, арабы, народы Средней Азии или европейцы.

Уже характеризуя культуру древнего Инда (IV—III тысячелетия до н. э.) и отдавая должное высокому развитию ее, автор старался подчеркнуть ее связи и родство с цивилизациями Персии, Месопотамии и Египта (стр. 74). Если он с удовлетворением сообщает, что выращивать хлопок индийцы начали на две-три тысячи лет раньше западных народов, то с неменьшим удовлетворением констатирует, например, что культуру шелка индийцы заимствовали у китайцев.

Вообще о культуре Китая и о китайцах в книге говорится много и с неизменной симпатией. Автор хотел показать, что культурные связи Индии с Китаем начались еще задолго до начала нашей эры и что они были интенсивнее и многообразнее, чем принято думать. Известно, например, что индийские ученые стали посещать Китай уже в I в. н. э., а в VI в. в одной только провинции Ло-ян жило более 3000 индийских монахов и 10 000 индийских семей (стр. 200). С другой стороны, в VII в. большое число китайцев обучалось в Индии, например, в университете Наланды, где китайский ученый Сюань-Цзян был преподавателем, даже «профессором», как говорится в книге.

Неру считает, что культурные взаимоотношения Индии с Китаем имеют не только долгую историю, но и большое будущее. Закljučая раздел об исторических связях Индии с Китаем, он говорит: «Сейчас колесо судьбы описало полный круг, Индия и Китай вновь обращают взоры друг к другу, и воспоминания о прошлом живы в их памяти; паломники нового типа пересекают по суше или по воздуху разделяющие их горы, неся слова бодрости и доброжелательства и создавая новые прочные узы дружбы» (стр. 207).

Рассматривая взаимоотношения Индии с западными странами — Ираном, Грецией и другими, Неру, в отличие от большинства писавших об этом до него, говорит не об индийской сатрапии Дария, не о походе Александра, не о набегах Махмуда Газневи. Его больше интересуют связи между народами, а они выражались в форме экономических и культурных взаимоотношений. С особым удовлетворением он констатирует, например, что ведическая религия Индии имеет много общего с зороастризмом, что ведический язык родствен староперсидскому языку «Авесты», что продолжительное влияние персидского языка и литературы на новоиндийские языки и литературу Индии было благотворным. «Немногие народы,— говорит он,— теснее связаны между собой происхождением и всем ходом истории, чем народ Индии и народ Ирана» (стр. 152). И далее о Греции: «По своему духу и мировоззрению Индия гораздо ближе к древней

Греции, чем современные нации Европы, хотя они называют себя детищами эллинистического духа» (стр. 155).

Характеризуя процесс проникновения индийской культуры в страны Юго-Восточной Азии, упоминая существовавшие там государства, носившие индийские названия (Чампа, Камбоджа, Калинга, Шри-Виджая), автор показывает, что это расширение сферы индийской культуры не было результатом завоевания, а совершалось мирным путем, путем массовой многовековой иммиграции, продолжительных и интенсивных экономических связей. Глубокий, неизгладимый след оставила индийская культура в этих странах. Среди многих народов распространились не только индийские религии (буддизм в Сиаме и Индокитае, буддизм и индуизм в Индонезии), но также классическая индийская литература, искусство и наука. Еще в период раннего средневековья индийский эпос (Махабхарата и особенно Рамаяна) уже был широко известен в Индокитае и Индонезии. Такие архитектурные сооружения, как всемирно известные Ангкор Ват в Индокитае и Боробудур на Яве, до сих пор стоят величественными памятниками могучего некогда воздействия индийской культуры. Драма, театр и танцы народов этих стран также развивались под сильным индийским влиянием.

Таким образом, автор утверждает, что с древнейших времен Индия развивалась под культурным воздействием других народов и сама щедро делилась своими культурными достижениями. Замкнутость и стремление изолироваться от внешних влияний стали характерными для Индии только позднее, в условиях иноземных вторжений и особенно в период колониального режима.

* * *

Основой социальной жизни Индии, обеспечившей ее устойчивость в течение многих столетий, способствовавшей созданию общих элементов культуры и усвоению их разными народами, Неру считает общинный, групповой характер старого общественного строя. «Этот общественный строй,— говорит он,— был основан на трех концепциях: самоуправляющейся сельской общине, касте и большой семье. Во всех трех случаях значение имеет группа, а отдельная личность занимает второстепенное место» (стр. 259). В другом месте говорится: «Таким образом, все три основы индийского общественного уклада опирались на группу, а не на личность. Целью было социальное обеспечение, устойчивость и сохранение группы, то есть общества... Каждая группа, будь то сельская община, определенная каста или многочисленная большая семья, жила общей жизнью, в которой участвовали все ее члены; в ней было равенство и господствовали демократические методы» (стр. 268).

Все это совершенно справедливо для определенных исторических условий отдаленного прошлого. Но в современной Индии у большинства народов сельская община и большая семья вовсе исчезли, а там, где они сохранились, представляют собой пережиточное явление. Кастовый строй еще держится у большинства народов, но и он обречен, будучи также пережитком прошлого, да еще, может быть, самым реакционным. Поэтому нам кажется, что автор несколько преувеличивает сохранность и значение этих общинно-групповых устоев в современном индийском обществе, когда он говорит: «В создаваемых нами конструктивных планах мы должны учитывать человеческий материал, с которым нам приходится иметь дело, основу стремлений и мыслей и окружение, в котором нам приходится действовать... Поэтому желательнее проанализировать старый индийский общественный строй, оказавший такое мощное влияние на наш народ» (стр. 259). Однако было бы ошибкой предполагать, что Неру предлагает строить здание будущего на этом старом общественном фундаменте. Он прекрасно понимает, что едва ли в «конструктивных планах» будущего эти общинные устои, в особенности кастовая система, могут играть какую-либо роль, кроме негативной. Это очевидно тем более, что сам автор, характеризуя этот социальный строй, пишет: «Жизнь каждого человека была размерена и раз и навсегда определена рядом повинностей и обязанностей в своей узкой сфере в рамках иерархической лестницы. У него не было понятия об обществе в целом или о долге по отношению к обществу, и не делалось никаких попыток заставить его проникнуться чувством солидарности с обществом» (стр. 97). Однако настоящее отношение Джавахарлала Неру к этим реакционным пережиткам индийской социальной организации становится ясным, когда на странице 270 он пишет: «Но коренная слабость и основной порок кастовой системы и общественного строя Индии заключается в том, что они низвели на низшую ступень огромную массу людей и лишили их возможности выйти из этого состояния в области образования, а также в культурном и в экономическом отношении».

Таким образом, взвесив все «за» и «против», Неру выносит окончательный приговор кастовой системе: «В условиях современного нам общества кастовая система и многое из того, что ей сопутствует, совершенно нетерпимы, реакционны, представляют собой балласт и препятствуют прогрессу. При этой системе невозможно равенство в положении и равные возможности, невозможна политическая демократия, а еще в меньшей мере — демократия экономическая. Каста и прогресс диаметрально противоположны друг другу и не могут существовать одновременно» (стр. 270).

И хотя кастовый строй еще не изжит, но с тех пор как власть в Индии перешла в руки индийцев, в области ликвидации кастовых различий и крайностей кастового режима сделано больше, чем за весь двухсотлетний период английского господства.

* * *

Едва ли не самым убедительным доказательством высокого уровня индийской культуры в глубокой древности является наличие письменности, известной индийцам за много столетий до нашей эры. Идеографическое письмо из раскопок Мохенджо-Даро и Хараппы датируется двумя-тремя тысячелетиями до н. э. И это не вызывает существенных разногласий. Но автор обращает наше внимание на слоговое письмо брахми и кхарошли, на основе которых сложились деванагари и другие индийские алфавиты. Он высказывает вполне вероятное предположение, что эта форма письма возникла не в IV—III вв. до н. э., как принято думать, а на много столетий раньше. Замечательно, что керамика с письменами брахми обнаружена почти на всей территории Индии. Даже в том случае, если эта керамика не неолитическая, как думает автор, есть основания предполагать, что письмо брахми является промежуточной формой между идеограммами Мохенджо-Даро и новоиндийскими алфавитами. Таким образом, на протяжении тысячелетий существовала преемственность в развитии индийской письменности.

Развитие языка, письменности и литературы в древней Индии достигло такого уровня, что еще за несколько веков до н. э. знаменитый Панини мог составить подробную грамматику санскритского языка. Это капитальный труд, охватывающий все разделы грамматики. В нем Панини ссылается на грамматики, составлявшиеся и до него. Уже во II в. до н. э. другой крупный ученый — Патанджади — написал комментарий к работе Панини, ставший также классическим произведением индийской лингвистики. Труд Панини и многочисленные комментарии на него в течение более чем двух тысячелетий привлекают внимание ученых и служат материалом для новых исследований в области индийских языков.

Возвращаясь многократно к теме индийской литературы, Неру обращает внимание главным образом на то, что огромная по объему и разнообразная по содержанию литература существовала в Индии задолго до нашей эры; что веды, упанишады, эпос и другие произведения, созданные первоначально в северной Индии, уже в те отдаленные времена широко распространялись по всей стране и стали культурным достоянием всех индийцев; что в течение многих столетий не только поэты, художники и артисты, но также философы, законоведы и религиозные реформаторы черпали вдохновение, идеи, сюжеты из этого неиссякаемого источника творческой мысли. Все это, по мнению автора, является не только показателем высокого уровня культуры вообще, но и свидетельством наличия в ней общендийских корней. И он старается установить, насколько глубоки эти корни и насколько еще способны они дать новые побег, т. е. послужить делу развития современной культуры.

Рассматривая дальнейшее развитие индийской литературы, Неру подчеркивает непрерывность и преемственность этого процесса. Он решительно возражает, например, против деления истории Индии на индусский, мусульманский и британский периоды. Но, критикуя эту антинаучную периодизацию, автор, к сожалению, не предлагает взамен ее никакой другой. Он возражает также против деления индийской литературы на индустскую, буддийскую, мусульманскую, или на персидскую, английскую и т. д. и совершенно справедливо утверждает, что вся литература, написанная индийцами, — индийская, независимо от того, к какому вероисповеданию принадлежали авторы тех или других произведений и на каком языке они писали. Поэтому произведения Амира Хусроу, Кабира, Абд-ур-Рахима и других писателей-мусульман принадлежат к индийской литературе, как и произведения Панини, Калидасы и Тулси Даса.

Автор привел убедительную аргументацию тезиса о наличии общендийских элементов в древней литературе и о преемственности литературных традиций. Но говоря о литературе средневекового и нового периода, он упоминает главным образом произведения, написанные на хинди. И это вызывает недоумение читателя. Создается впечатление, что преемниками старых литературных традиций стали почему-то не все индийцы, а только те, которые говорят и пишут на хинди. Здесь, нам кажется, автор в противоречии с собой. Противоречие это объясняется тем, что, стремясь подчеркнуть общие основы индийской культуры и характеризуя общендийскую литературу, автор недооценил национальную культуру отдельных народов и давно уже сложившуюся национальную литературу. Так, он решительно отвергает ходячие представления о якобы необычайной языковой раздробленности Индии: «Часто повторяющаяся версия о том, что в Индии насчитывается пятьсот или больше языков,— досужий вымысел филологов и чиновников бюро переписи, которые относят к самостоятельным языкам все диалектные наречия и все мелкие говоры племен, живущих на ассамо-бенгальской границе с Бирмой, хотя иногда на этих диалектах говорит всего несколько сот или несколько тысяч человек». Но вывод автора о том, что «подлинная языковая проблема Индии не имеет никакого отношения к этому разнообразию», что «на практике она сводится к хинди — урду, одному языку с двумя литературными формами и двумя шрифтами» (стр. 174), — нам представляется слишком упрощенным. Дело в том, что, признавая существование отдельных народов и отдавая должное их вкладу в общую сокровищницу индийской культуры, автор не придал значения тому факту, что некоторые из них, например тамилы, бенгалцы и кашмирцы, не только говорят на разных языках, но только создали свой фольклор и литературу, но что культура их, кроме общендийских, имеет и национальные особенности.

Картина развития индийской культуры будет неполной, если не учесть эти особенности. Наличие их несколько не умаляет достижений общиндийской культуры. Наоборот, общая картина была бы полнее и ярче, если бы на нее были нанесены эти национальные краски. Национальные особенности отдельных народов составляют часть индийской культуры так же, как сама индийская культура является частью мировой.

* * *

О современном состоянии науки в Индии мы узнаем все больше по мере расширения культурных связей с ней. Теперь уже нет ни одного международного съезда ученых, в работе которого не принимали бы участия представители индийской науки. Но до последнего времени мало было известно о достижениях индийской науки в прошлом. Даже в специальных работах по истории индийской культуры этот раздел был наиболее слабым. Большой заслугой автора является стремление приподнять завесу и над этой частью культурного наследия Индии.

Имена отдельных ученых и мыслителей древности широко известны даже из общей литературы об Индии. Но автор обращает внимание читателей на тот замечательный факт, что уже в те времена существовали в Индии крупные научные и учебные центры, университеты, как он их называет, куда стекались для получения научных знаний люди со всей Индии и даже из других стран. Так, на севере Индии, в Такшашиле (Таксиле) находился «университет», в котором учился знаменитый индийский грамматик Панини. Существование такого научного центра за несколько столетий до н. э. следует признать событием выдающимся. В первые века н. э. и в период средневековья в Индии существовало уже много учебных центров, например в Уджайини (Центральная Индия), в Валабхи на западе Индии, в Амравати, на юге страны и во многих других местах. Крупнейшим из них был университет Наланды, близ Паталипутры на Ганге. В нем обучались лица, уже окончившие другие университеты. В Наланду стекались учащиеся из Китая, Японии, Тибета и даже из Кореи, Монголии и Бухары (стр. 232). Помимо религиозно-философских предметов, там преподавались естественные и прикладные науки. Эти важные в истории развития индийской культуры факты, о которых раньше можно было узнать только в специальной литературе, Неру сделал достоянием широкого круга читателей.

О достижениях индийцев в области строительной техники красноречиво говорят сами памятники древней архитектуры и остатки ирригационных сооружений. Больших успехов достигла в древней Индии металлургия и обработка металлов. Так, близ Дели вот уже в течение полутора тысяч лет высится огромная колонна из литого нежелезистого железа. Технология изготовления ее до сих пор представляет загадку для ученых.

Основы некоторых разделов математики впервые были разработаны индийцами и только позднее стали достоянием мировой науки. В глубокой древности индийцы изобрели десятичную систему счисления, ввели употребление нуля и знака минуса, применили буквы алфавита в алгебре для обозначения неизвестных величин, дали понятие о возведении в квадрат и извлечении квадратного корня, применили квадратное уравнение, вычислили значение « π » и многое другое. В VIII в. индийские ученые прибыли в Багдад, привезли с собой и перевели на арабский язык некоторые сочинения по математике. «Из этого арабского мира,— говорит автор,— новая математика проникла в европейские страны, вероятно через мавританские университеты Испании, и легла в основу европейской математики» (стр. 229). Далее автор приводит сведения о развитии индийской математики в средние века и называет имена ученых, в том числе крупного математика и астронома Бхаскару II, жившего в XII в. Утверждая приоритет индийцев в некоторых разделах математики, автор все же признает, что в области геометрии Греция и Александрия опередили Индию. Однако известны сочинения индийских ученых по геометрии, созданные еще до н. э.

Успешно развивалась в Индии и астрономия. Известно, что в эллинистический период большая обсерватория в Уджайини была связана с астрономами Александрии в Египте. Индийские астрономы производили сложные вычисления, составляли таблицы, писали труды и поддерживали связи с греческими, арабскими, а затем и европейскими учеными. Астрономия процветала в Индии до времени английского завоевания. Ученый правитель Джайпура Джайпур Синг (первая половина XVIII в.) был хорошо знаком с индийской, греческой, арабской и современной ему европейской математикой и астрономией. При нем в Индии было построено несколько обсерваторий.

Замечательны были достижения в естественных науках Индии, в частности медицины. До нашего времени дошли руководства по терапии и хирургии, написанные еще в первые века н. э. Неру сообщает о них: «В этих руководствах перечисляется большое количество болезней и приводятся методы определения болезней и их лечения. В них говорится о хирургии, акушерстве, купаниях, диете, гигиене, кормлении детей и медицинском образовании. Метод обучения был экспериментальный, в ходе обучения хирургии применялось вскрытие трупов. Сушрута упоминает о множестве хирургических инструментов и операций, включая ампутацию конечностей, операцию брюшной полости, кесарево сечение, удаление катаракты и т. п.» (стр. 118). Несмотря на то, что в XI в. уже по всему Востоку славилась арабская медицина, при халифе Харун-ар-Рашиде в

Багдаде было несколько индийских врачей, руководивших созданной там больницей. Личный врач халифа также был индеец.

Даже если некоторые сведения или датировка их в книге Неру еще недостаточно проверены, бесспорным остается факт, что в области науки — математики, астрономии, медицины — индийцы в древности не только не отставали от других народов, но во многом шли впереди.

* * *

Заслуживает внимания отношение Неру к религии. Известно, что в Индии религия всегда занимала много места в сознании людей и оказывала большое влияние на их общественные взаимоотношения. Но несомненно также, что роль религии в общественной жизни индийцев сильно преувеличена как заинтересованным в том жречеством и другими представителями культа, так в особенности западноевропейскими индологами. Для большинства из них древняя литература Индии, ее философия, искусство, право не существовали, помимо религии, и потому рассматривались как разные аспекты ее. Конечно, такой взгляд на религию по меньшей мере ненаучен.

Неру прямо заявляет, что его не интересуют ни догматические, ни обрядовые стороны религии. О себе он говорит: «Религия в том виде, в каком ее исповедывали и признавали даже мыслящие умы, будь то индуизм, ислам, буддизм или христианство, меня не привлекала» (стр. 21). Бытие бога также не находит места в его мировоззрении. Но во всяком религиозном учении он стремится выяснить социальную его значимость и то рациональное, что составляло элемент познания объективного мира, хотя бы в метафизической, религиозной форме. С этим критерием подходит он и к оценке основной религии Индии — индуизма.

В существующей литературе мы не найдем удовлетворительной формулировки основных положений индуизма. Надо признать, что нет ее и в книге Неру. В специальном разделе, посвященном этому вопросу, говорится: «Индуизм как вера расплывчат, аморфен, многосторонен; каждый понимает его по-своему. Трудно дать ему определение или хотя бы определенно сказать, можно ли назвать его религией в обычном смысле этого слова. В своей нынешней форме и даже в прошлом он охватывает много верований и религиозных обрядов, от самых высших до самых низших, часто противостоявших или противоречивших друг другу» (стр. 76). Не останавливаясь на догматике и обрядах, автор категорически возражает против включения в понятие «индуизм» часто отождествляемой с ним кастовой системы, индийской философии, а также древней литературы, большую часть которой принято было считать религиозной — священным писанием индуизма. Неру рассматривает касты, философию и литературу как соответствующие разделы культуры, может быть и связанные с религией, но не обусловленные ею. «Поэтому, — говорит он, — неправильно и нежелательно употреблять слово «индус» (следовало перевести не «индус», а «индусский». — М. К.) или «индуизм» в применении к индийской культуре, даже когда дело касается далекого прошлого, хотя главным выражением этой культуры были различные стороны мышления, воплощенные в трудах древних авторов» (стр. 76).

Роли буддизма в развитии и распространении индийской культуры Неру уделяет большое внимание. Буддизм и джайнизм он рассматривает как идеологию социального протеста со стороны кшатриев и общественных слоев, заинтересованных в развитии производства и торговли, против засилия жречества в общественных делах, против кастовых ограничений, против религии, метафизики и суеверий. Он утверждает, что «Буддизм развивался как народное реформаторское движение» (стр. 124) и что «...Будда посеял семена бунта против условной религиозной практики своего времени. Возражения (со стороны ортодоксального индуизма. — М. К.) вызывала не его теория и философия (так как в рамках ортодоксальной веры можно было отстаивать любую мыслимую философию, пока она оставалась всего лишь теорией), а его вмешательство в область социальной жизни и организации людей» (стр. 176).

Интересны соображения автора по вопросу о том, почему буддизм «исчез из Индии», но широко распространился в других странах, и почему джайнизм не вышел за пределы Индии, но существует в ней до сих пор. Автор полагает, что джайнизм, выступивший против кастовой системы, все же мирился с ней и потому продолжает существовать в Индии. А буддизм, оказавший большое влияние на индуизм, не примирился с кастовой системой и потому исчез из Индии. Развитие производства и торговли еще со времен Ашоки (III в. до н. э.) толкали Индию на расширение политических, экономических и культурных связей как между разными частями страны, так и с другими странами. Автор считает, что большую роль в установлении этих связей сыграл буддизм, особенно в форме махаяны¹. Благодаря универсальному характеру буддизма, «не признававшего ни кастовых, ни национальных барьеров», индийская культура стала быстро распространяться на соседние и дальние страны.

¹ Одно из двух главных направлений в буддизме, сложившееся в первые века н. э. в Индии и распространившееся затем на Центральную Азию, Китай, Японию. Сторонники махаяны признают существование бога и считают Будду его воплощением.

Автор «Открытие Индии» свободен как от религиозных предрассудков, так и от какой бы то ни было неприязни к мусульманам.

Говоря об исламе, Неру так же, как и в отношении буддизма, указывает, что в определенных исторических условиях распространение этой религии способствовало упрочению внутренних и международных культурных связей Индии. «В те времена обращение в ислам, как индивидуальное, так и групповое, не вызывало особого противодействия, за исключением случаев, когда применялась сила или какой-либо вид принуждения» (стр. 280). Но английские колонизаторы использовали ислам и мусульманскую общину в целях создания внутренних политических конфликтов в стране путем организации политических партий и проведения выборов по религиозным общинам. Это вызывало возмущение индусов и неприязнь между общинами.

В последних главах книги Неру подробно останавливается на индо-мусульманском конфликте и так называемой мусульманской проблеме, послуживших предлогом для расчленения страны на два государства. Он утверждает, что этот конфликт чисто политический и по существу не имеет отношения к религиозным различиям. Рассматривая историю Индии со времени великого восстания 1857 г., Неру показывает, как в течение десятилетий этот конфликт сознательно навязывался индийскому обществу колониальными властями, чтобы помешать единству национально-освободительного движения.

* * *

«Открытие Индии» является открытием не только и не столько для автора, сколько для многих читателей, кто знал эту страну по книгам европейских ученых и писателей. Неру сумел придать особую значимость тем явлениям и событиям культурной жизни Индии, которые у других авторов обычно терялись в бесконечной цепи событий почти пяти тысячелетней ее истории. Теплые чувства к своему народу, искреннее участие в судьбах его, страстное желание вывести его на широкую дорогу прогресса, пронизывающие всю книгу, передаются читателю. Советский читатель проникается чувством глубокого уважения к прошлому великой страны, верой в неограниченные возможности культурного и экономического развития ее четырехсотмиллионного народа.

М. Кудрявцев

«Фәрханге Иран зомин» («Культура Ирана»), т. I, Тегеран, 1953 (на персидском языке).

В 1953 г. в Тегеране вышел первый том сборника «Фәрханге Иран зәмин», посвященного культуре Ирана. В нем опубликованы статьи и исследования в области языка, литературы, истории и этнографии Ирана. Составителями и редакторами сборника являются: Мохаммед-Таги Данешпежу, Манучехр Сетуде, Мостафа Мокарреби, Аббас Зарьяб-Хон и Ираджд Афшар.

В предисловии составители сборника указывают, что изучению Ирана с различных точек зрения, в частности изучению его культуры, посвящены многочисленные работы иностранных ученых. За рубежом ежегодно издаются сотни книг и брошюр об Иране. Однако в самом Иране работ, посвященных его культуре, почти нет, а работы иностранных авторов, как правило, остаются неизвестными иранцам.

Приступая к созданию серии сборников по культуре Ирана на персидском языке, составители ставили своей целью, с одной стороны, познакомить иранскую общественность с трудами иностранных востоковедов-иранистов, с другой — восполнить пробелы, имеющиеся в освещении отдельных вопросов, и осветить неясные вопросы. Рецензируемый сборник они рассматривают как начало большой работы по изучению истории Ирана, исследованию иранских языков и диалектов, изданию неопубликованных документов и фольклорных материалов.

Первый том сборника состоит из четырех книг со статьями различного характера. Книга 1-я содержит: перечень языков и диалектов иранской языковой группы и основных источников по этим вопросам; песни (народные напевы) гилянцев с переводом их на персидский язык; биографические сведения об иранском ученом-историке XVI в. Махдуме Шарифи; биографические сведения о некоторых средневековых ученых Ирана; сведения ибн-Сины о некоторых ученых Медины с редакционными примечаниями составителя. Книга 2-я посвящена публикации исторических документов, содержащих новые данные об азербайджанском поэте Хагани и о взаимоотношениях ибн-Сины с шейхом Абуль-Сеидом. В книге 3-й дано изложение книги «Маддетоль Хайят» («Источник жизни») и продолжается начатая в 1-й книге публикация песен гилянцев. Книга 4-я содержит заметки о некоторых вопросах астрономии в освещении ислама, исторические и археологические сведения о городе Нишапуре, пословицы и поговорки гилянцев.

Все помещенные в этом сборнике материалы безусловно важны для специалистов, изучающих Иран. Однако в настоящей рецензии мы остановимся лишь на отдельных вопросах, представляющих интерес для иранистов-этнографов.